

чешско-русских литературных связей и — отсюда — продуманного выбора и распределения материала. А именно в этом отношении (мы говорим исключительно о XVII в.) работа Г. Прохазковой вызывает у читателя чувство разочарования. Во-первых, без достаточных оснований обойдены произведения, дававшие русскому читателю беллетризованную сводку сведений по чешской истории: «История вкратце о Бохеме», 6-я глава Космографии 1670 г. и др. Это тем более странно, что разбор чешской части западнорусского Хронографа, которая построена на том же примерно материале, занимает в книге значительное место. Во-вторых, непонятно, почему исследуется повесть о Василии Златовласом, а непосредственно переведенный с чешского украинский Луцидарий не упомянут вообще. Предположение, что Г. Прохазкова сознательно ограничивалась только литературой Московской Руси, не подтверждается — ведь в книге рассматривается деятельность Франциска Скорины (кстати, автор совершенно забывает о своеобразии того западнорусского литературного окружения, в котором она протекала).

Кроме вышеуказанных крупных исследований, чешско-русским литературным связям XVII в. посвящено большое количество статей по отдельным частным вопросам. Эти статьи принадлежат перу как русских, так и зарубежных ученых (А. И. Соболевский, М. Петровский, А. В. Флоровский, И. Йиречек, И. Поливка, М. Мурко и др.).¹⁰ Мы остановимся на них при рассмотрении отдельных фактов, из которых складывается история чешско-русских отношений XVII в.

*

Круг памятников, относящихся к чешско-русским литературным связям XVII столетия, включает следующие произведения: 1) повести о королевице Брунцвике и Василии Златовласом (последняя возводится к чешскому оригиналу далеко не всеми исследователями); 2) переводные «хроники», описывающие события чешской истории, как например «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и 6-я глава Космографии 1670 г.; 3) украинский перевод Луцидария.¹¹

Прежде чем перейти к «Брунцвику», считаем необходимым остановиться на вопросе о происхождении повести о Василии Златовласом, поскольку мы не думаем, что в основе ее лежит чешский источник.

¹⁰ См. указатели и подстрочные примечания в названных выше работах А. В. Флоровского.

¹¹ В украинских списках XVII в. известна особая редакция Луцидария, которая, бесспорно, является переводом с чешского. Связь и зависимость украинского Луцидария обнаруживают содержащиеся в тексте многочисленные лексические, морфологические и синтаксические богемизмы, которые перечислил в своем издании памятника Е. Ф. Карский. Луцидарий был в Чехии одной из первых печатных книг (напечатан уже в XV в.), затем не раз переиздавался, существуя параллельно и в рукописной традиции. Попытки поставить украинский Луцидарий в прямую связь с каким-либо из известных чешских текстов до сих пор были тщетны. Не исключена возможность, что украинский переводчик провел самостоятельную правку и обработку оригинала. Не рассматриваем этот памятник специально, так как он продолжает более раннюю — XV и XVI столетий — традицию чешско-украинских связей и непосредственного отношения к нашей теме не имеет. Об украинском и чешском Луцидарии см.: Е. Ф. Карский, Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Варшава, 1906, Iв. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів, IV Львів, 1906; Ceněk Zibrt. Staročeský Lucidáir. Text rukopisu Fürstenberského a prvotsku z roku 1498 Praha, 1903; А. В. Флоровский. 1) Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 42—44; 2) Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 240 (здесь же и литература вопроса).